

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

СТУДЕНЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ 1980-Х ГГ. В КНР: РАДИКАЛИЗАЦИЯ ПРОТЕСТОВ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.В. Сидорова

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье проанализированы ключевые причины роста студенческого активизма в Китае в 1980-е гг. и выявлена их связь с процессом реформирования системы высшего образования страны. Противоречивые изменения в сфере образования происходили из-за несоответствия теории его реформирования с практикой и способствовали усилению недовольства образованной молодежи. В отсутствие углубления реформы обозначились тенденции радикализации и политизации протестного движения, закончившиеся вооруженным разгоном демонстрации 1989 г. на площади Тяньаньмэнь.

Ключевые слова: Китай, реформа высшего образования, студенческий активизм, протесты.

Период конца 1970-х – 1980-е гг. в истории КНР является уникальным примером того, как студенческий активизм может выступать в качестве одной из ключевых сил, влияющих на политическую стабильность в стране. Цепь событий, предшествующих кровавому разгону демонстрации 4 июня 1989 г. (а именно: инцидент 1976 г. на площади Тяньаньмэнь, движение «Стена демократии» 1978–1983 гг., студенческие протесты 1986–1987 гг.) убедительно показывает тенденцию к радикализации и политизации студенческих протестов.

Требования демократии, появившиеся в лозунгах критически настроенной молодежи в конце 1980-х гг., определили студенческому движению значимое место в политической истории современного Китая.

Однако политическая составляющая отнюдь не являлась глубинной причиной роста студенческого активизма, который проходил, прежде всего, в тесной связи с реформированием системы высшего образования. В данной

статье мы проанализируем причины роста напряженности выступлений студентов, классифицируем их требования, чтобы показать, как оказались связаны между собой изменения в сфере высшего образования и идеологические установки образованной молодежи. Тем самым мы планируем частично восполнить пробел в изучении вопроса влияния образовательной системы КНР на поддержание стабильности политического режима.

Некоторые из *причин роста напряженности студенческого активизма* вполне очевидны.

Во-первых, процент населения, который мог позволить себе получить высшее образование в Китае конца 1970-х – 1980-е гг., оставался ничтожным. Студенты воспринимали себя в качестве меритократической элиты Китая, что способствовало осознанию ими собственной значимости (1). При этом «литература шрамов» конца 1970-х гг. «воскресила в памяти трагедии образованной молодежи» (2). Историческая близость Культурной Революции дала возможность студентам почувствовать себя жертвами политического режима, что подпитывало возникающее чувство несправедливого к ним отношения со стороны властей.

Во-вторых, студенты оказались под влиянием начавшегося в 1977 г. процесса «ослабления пут» 松绑 (*сунбан*). Он характеризовался относительно свободной культурной обстановкой, продолжающимися фракционными разногласиями в верхах и переходом экономики страны на рыночные рельсы. Это способствовало нарастанию идеологического разделения в обществе (3): набирали силу дебаты между сторонниками плюралистической и авторитарной системы, вышел в эфир знаменитый серийный документальный фильм «Плач по реке» («Хэшан», 1988 г.), выступавший за модернизацию в области политического управления. Китайские интеллектуалы успешно вдохновляли студентов. Например, Фан Личжи (4) открыто критиковал отсутствие политических изменений в стране и призывал студентов к демонстрациям (что и произошло позднее, в 1986 г.) (5).

Такая позиция вполне соответствовала широко распространенному среди интеллигенции того времени мнению: глубокие изменения в обществе, принесенные экономической реформой, могут повлиять на политическую структуру, сделать ее более открытой и гибкой (6). Некоторые из ее представителей (например, Янь Цзяци, Вао Цзюньсинь) 23 мая 1989 г. основали Пекинскую ассоциацию интеллектуалов с целью «принять на себя роль консультантов для студентов» и «лучше отвечать студенческим потребностям в теоретической подготовке» (7).

Наконец, были и такие, как Лю Сяобо (в 2010 г. ставший лауреатом Нобелевской премии мира), которые присоединились к студенческой голодной забастовке 1989 г.

В-третьих, росту студенческого активизма способствовало международное влияние, которое проявлялось не только с приходом в образовательную систему КНР иностранных ученых и их идей, но и посредством ключе-

вых событий, происходивших за границей (прежде всего распространение «гласности» в СССР).

Наконец, подъем студенческого активизма может быть отнесен к увеличившемуся набору на специальности в области социальных наук, таких как политология и юриспруденция, экономика и финансы: с 5,8% от общего числа всех студентов в 1980 г. (43 111 чел.) до 10,8% в 1985 г. (183 672 чел.) (8).

Глубинные причины роста студенческих выступлений можно выявить путем сопоставления теории реформирования высшего образования и ее практического воплощения. Мы утверждаем, что в начале реформы высшего образования правительство сосредоточило свое внимание на второстепенных потребностях молодежи без признания их первостепенных нужд. Это подтолкнуло студентов к тому, чтобы добиваться от властей «большого признания и включения» их в общественную структуру (9). Рассмотрим подробнее.

Теоретически изменения в системе высшего образования были провозглашены КПК в документах: Постановление ЦК КПК и Госсовета КНР «О реформе структуры образования» 1985 г. (10) и «Временное постановление Госсовета КНР об ответственности за управление вузами» 1986 г. (11). Они касались введения автономии вузов, децентрализации контроля над университетами, использования рыночных механизмов в образовательной системе и повышения качества высшего образования. Для студентов такие перемены открывали множество перспектив (например, быстрое и эффективное решение проблем учащихся на местном уровне, увеличение набора коммерческих студентов сверх государственных квот, отмена распределения на рабочие места сверху, внедрение новых дисциплин и современных учебных программ, международные обмены и так далее).

На практике процесс реформирования высшего образования оказался весьма противоречивым. Провозглашенная в Постановлении 1985 г. *автономия* университетов не была закреплена законом. Юридически это было сделано только 10 лет спустя (в Законе об образовании 1995 г. и в Законе о высшем образовании 1998 г.). При этом понятие автономии скорее относилось к экономической деятельности университетов, но не к академической или политической (12).

Не удивительно, что ректоры университетов жаловались на то, что свободы были обещаны в постановлениях, но не даны в реальности (13). Отсутствие четкого разделения власти ставило в тупик студентов: продолжающаяся дискуссия о большей гибкости образовательной системы и участии в ней студентов не соотносилась с постоянным вмешательством партийных комитетов в повседневные дела университетов.

Например, назначение на ключевые административные посты производилось контролировавшимся партией Министерством образования, содержание курсов и квоты приема спускались централизованно сверху, студентов проверяли на предмет партийной идеологии на вступительных экзаменах.

нах, а студенческие организации были пронизаны партийными представителями. Так же как и университетские газеты, управление кампусом оставалось под контролем партии (14). Секретарь партии был ключевой фигурой в принятии решений по распределению выпускников, как на общеуниверситетском уровне, так и на кафедральном (15). Парткомы хранили персональные файлы на каждого студента. Отрицательная характеристика в таком файле легко могла стать для выпускника препятствием к получению хорошей работы на всю оставшуюся жизнь.

В *системе трудоустройства* в 1980-е гг. начались кардинальные изменения, однако и они сказывались противоречиво на профессиональной карьере выпускников.

Практиковавшаяся в течение многих лет система распределения на должности 分配 (*фэньпэй*) означала, что государство определяет для выпускника рабочее место. Практика *фэньпэй* была связана с тем, что квоты на набор студентов по каждой из специальностей устанавливались сверху. Такая система далеко не всегда отвечала пожеланиям человека о его будущей работе (16), однако предоставляла ему гарантированное место в соответствии со специализацией.

С началом применения рыночных механизмов в образовании по Постановлению 1985 г. вузы получили право набирать коммерческих студентов в дополнение к основной массе абитуриентов, зачисленной по государственным квотам. Начался стремительный рост (17) числа таких студентов. Более того, в 1980 г. стали появляться первые университеты, полагающиеся только на средства от коммерческих студентов (18).

С ростом числа студентов, оплачивавших учебу самостоятельно, государству стало труднее планировать трудоустройство сверху. Логичнее казалось предоставить выпускникам право выбирать работу самим. Так начала распадаться система государственного распределения на должности. Вместо *фэньпэй* в стране в 1982 г. началось экспериментальное внедрение контрактного найма на работу (19), при котором работодатель и выпускник вуза заключали трудовой договор, основываясь на собственном выборе, а не государственном распределении. Такая практика распространилась по всей стране с принятием Постановления ЦК КПК «О реформе структуры образования» в 1985 г., но не была четко оформлена в законодательстве страны. К тому же процесс перехода к контрактному найму проходил с большими колебаниями (20).

По сути, параллельно существовали две системы найма: распределение на должности и самостоятельная договоренность с работодателем. Выпускники стояли перед выбором, предпочесть ли гарантированную работу, но без права выбора, или делать карьеру самостоятельно, но с нестабильными перспективами.

Внедрение рыночных механизмов в высшем образовании, или «*маркетизация*», отразилось на бюджетах семей студентов. Временное постанов-

ление 1986 г. открыло для университетов возможность самостоятельно генерировать доходы.

В условиях снижения доли государственных расходов на образование одним из гарантированных способов притока финансовых средств в вуз стала плата, взимаемая с коммерческих студентов. Эта категория студентов столкнулась с тем, что с увеличением набора учащихся условия их обучения не успевали модернизироваться. Те, кто не мог позволить себе внести плату, «начали чувствовать беспокойство насчет государственных планов по урезанию стипендий» (21). Учащиеся теоретически могли воспользоваться грантами и ссудами, но система кредитования образования в 1980-е находилась в разработке. К тому же эта система, вытеснявшая гарантированные стипендии студентам национальных и провинциальных вузов (22), в любом случае предполагала увеличение индивидуального вклада в стоимость образования. Студенты наблюдали за примерами своих преподавателей, которые также пытались приспособиться к «маркетизации» высшего образования.

Именно в это время получает распространение феномен 下海(*сяхай*) – «ныряния в море», или занятие подработками. С 1982 г. научный и технический персонал мог наняться в качестве советников, инструкторов, торговцев патентами, консультантов и так далее, некоторые даже открыли собственный бизнес. Для студентов это означало, что их учителя потенциально стали посвящать меньше времени своим преподавательским и исследовательским обязанностям.

Более серьезным дестабилизирующим фактором в обществе стало то, что «маркетизация» создала внезапный (и потому пока еще непривычный для студентов) разрыв между теми, кто смог приспособиться к рыночной экономике путем успешного позиционирования своих способностей на рынке, и теми, кто не сумел улучшить свои материальные условия жизни. Неудивительно, что такая поляризация вызывала у студентов чувство несправедливости от того, в какой обстановке вынуждены были жить преподаватели, не успевшие «коммерциализироваться».

Постановление 1985 г. поставило перед системой высшего образования задачу *повышения качества образования*. С одной стороны, университеты стали вносить изменения в учебные планы и программы, чтобы сделать их более «гибкими», в том числе с точки зрения выбора и компилирования учебных материалов. Появились новые курсы, учитывавшие конъюнктуру массового спроса в сфере «образовательных услуг» и касавшиеся отдельных областей финансов, менеджмента, деятельности фондовых бирж и проч. С другой стороны, уже к середине 1980-х гг. возникла проблема чрезмерной специализации. Если до начала Культурной Революции в системе высшего образования насчитывалась 601 специальность, то в 1980 г. их количество возросло до 1039 (23).

Наконец, новая образовательная методика обещала быть «креативной, с ориентацией на практический компонент и эксперименты, открытой новым

областям знания» (24), включая те, которые пришли из-за границы. Однако изменений в педагогической практике не последовало, и она по-прежнему могла быть охарактеризована как 念, 背, 考 «нянь, бэй, као» (читать, заучивать, сдавать на экзамене) (25).

М. Агеласто, наблюдая за студентами престижных специальностей в Шэньчженьском университете, заметил, что даже самые способные учащиеся были разочарованы своими курсами (26). Главной тому причиной была «повторяющаяся», «некритическая» педагогика, также описанная исследователями как «идеологическая ортодоксальность» и «интеллектуальная робость» (27).

По наблюдениям Агеласто, неудовлетворенность студентов учебной работой замечена на кафедрах, но успешно игнорировалась. Так, студенты снова столкнулись с положением, в котором теоретические разработки по реформированию высшего образования не соотносились с реальностью.

Тем не менее, было бы несправедливо полагать, что реформа высшего образования не принесла студентам никаких положительных результатов. В частности, учащиеся получили право высказывать свои пожелания напрямую руководству университетов, устраивать пикеты и развешивать плакаты на «стены жалоб» (28). Более того, до ухода лояльного к студентам Ху Яобана с поста председателя ЦК КПК в 1987 г. партия и руководство были довольно уступчивы к студенческой критике и жалобам (29). Во время демонстраций 1980-х гг. власти показывали лишь ограниченные возможности применения силы – аресты, побои, облавы коснулись лишь нескольких активистов (Юэхуа Фу, Цзиншэн Вэй, Вандин Жэнь, Сян Хуан, Цин Лю), но не затронули широкие студенческие массы.

Результатом студенческого активизма стали ограниченные изменения в сфере администрации и обслуживания. Это и позволило студентам расширить требования, обращаясь от второстепенных к наиболее значимым.

Требования студентов за 1980-е гг. прошли путь политизации и радикализации. Первоначально они затрагивали личные интересы студентов и соотносились с основными проблемами в реформе высшего образования. Перечислим основные из них: бюрократия в кампусе (отсутствие четкого разделения полномочий руководства университетов и государственных властей), неопределенность во вопросу трудоустройства выпускников (колебания между системой распределения рабочих мест и контрактного найма), повышение платы за обучение и отсутствие государственной поддержки, сглаживающей образовательное неравенство, недовольство учебными программами и педагогикой старого образца.

При этом студенты могли критиковать как конкретные практики (30), так и более общие (31).

Многие исследователи (32) сходятся во мнении, что демократия, понимаемая как многопартийная система с организационным управлением, под отчетным широким массам населения, не была представлена среди студенческих требований в 1980-е гг. В целом, во время демонстраций 1980-х гг.

образованная молодежь не выходила за рамки того, что им обещало правительство в Постановлении 1985 г. и Временном постановлении 1986 г.

Ответ властей на рост студенческого активизма оставался неизменным: критически настроенную молодежь клеймили как нарушителей спокойствия, заговорщиков, предателей и организаторов беспорядков. Непризнанные в государственном публичном пространстве, студенты стали активнее создавать собственное. Сначала появились независимые салоны, общества, реформистские студенческие органы самоуправления в кампусах (33). Они представляли собой неуполномоченные и неформализованные группы (34).

Позднее, к концу 1980-х гг., появились более развитые аналоги – автономные организации, например, Союз самоуправления столичных студентов, Союз самоуправления нестоличных студентов, Делегация «Диалог», Головной штаб участников голодной забастовки, Главное командование по защите площади Тяньаньмэнь (35).

Как видно даже из названий этих организаций, политическая составляющая стала проявляться все сильнее. В частности, студенты начали требовать извинений и реабилитации своих соратников, избитых полицией и оклеветанных газетами во время предыдущих демонстраций. Тема обличения коррупции начала звучать сильнее. К 1989 г. «протестующие студенты в Китае... были вполне осведомлены о политическом характере своих действий и опасности, которую они несли» (36), и им не оставалось ничего другого, как выдвинуть политические лозунги: превосходство власти закона над властью отдельных людей, требования свободы и реформ. Именно таким образом политические призывы появились на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.

Прямой вызов правящему режиму, брошенный со стороны образованной молодежи, был встречен правительством 4 июня 1989 г. жесткими карательными мерами. Трагедия на площади Тяньаньмэнь, однажды описанная как «обоюдное нежелание со стороны молодых и стариков придти к компромиссу» (37), стала беспрецедентным случаем проявления политической позиции студенчества в истории Китая эпохи «реформ и открытости». При этом в основе студенческого активизма лежали не гражданское противостояние политическому режиму, а насущный вопрос углубления и ускорения реформы высшего образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Rai Shirin*. Resistance and Reaction. University Politics in Post-Mao China. – N.Y., 1991. – P. 189, 194.
- (2) *Hao Zhidong*. Intellectuals at a Crossroads. The Changing Politics of China's Knowledge Workers. – Albany, 2003. – P. 110–111.
- (3) *Ibid.* – P. 96.
- (4) Фан Личжи в то время являлся проректором Китайского научно-технологического университета («Кэда») в провинции Аньхой. В настоящее время диссидент, проживает в США.

- (5) *Hao Zhidong*. Intellectuals... – P. 107.
- (6) *Hayhoe R.* China Universities and the open door. – N. Y.; Lnd, 1989. – P. 46.
- (7) *He Baogang*. The Democratic Implication of Civil Society in China. – Basingstoke; Lnd; N. Y., 1997. – P. 27–28.
- (8) *Hayhoe R.* China Universities... – P. 47.
- (9) *Perry E.J.* Permanent Rebellion? Continuities and Discontinuities in Chinese Protest. Popular Protest in China // Harvard Contemporary. China Series, 15. – Ch. 10. – Cambridge, Lnd, 2008. – P. 206.
- (10) *Боревская Н.Е.* Государство и школа: опыт Китая на пороге III тысячелетия. – М., 2003. – С. 38; *Gu Jianmin, Li Xueping, Wang Lihua*. Higher Education in China // Education in China Series. – Hangzhou, Paramus, 2009. – P. 9; *Yin Q., White G.* 'Marketization' of Chinese Higher Education: a critical assessment // Discussion paper № 335. Institute of Development Studies. Brighton, 1993. – P. 3.
- (11) *Gu Jianmin et al.* Higher Education... – P. 13; *Yin Q., White G.* 'Marketization'... – P. 3.
- (12) *Боревская Н.Е.* Государство и школа... – С. 92.
- (13) *Hayhoe R.* China Universities... – P. 47.
- (14) *Wright T.* Student Movements in China and Taiwan. Popular Protest in China // Harvard Contemporary China series, 15. – Cambridge; Lnd, 2008. – P. 33–34.
- (15) *Rai Shirin*. Resistance... – P. 107.
- (16) Например, самым нежеланным было распределение в западные или центральные регионы Китая, так как уровень их развития сильно отставал от остальных регионов страны.
- (17) Инь и Уайт приводят в пример Ханьчжоуский университет, который показывает увеличение коммерческих студентов с 3 до 28% (с 1987 по 1989 г.) (цит. по: *Mok Ka-Ho*. Education and the Market Place in Hong Kong and Mainland China // Higher Education. – 1999. – Vol. 37. – P. 140).
- (18) К 1986 г. насчитывалось 128 университетов, существующих исключительно на средства от коммерческих студентов. (См.: *Yin Q., White G.* 'Marketization'... – P. 9).
- (19) *Боревская Н.Е.* Государство и школа... – С. 41.
- (20) Только 23,6% всех выпускников вузов в 1985 г. были распределены на должности согласно государственному планированию. В 1986 г., однако, этот процент поднялся до 63,8% (цит. по: *Hayhoe R.* China Universities... – P. 44).
- (21) *Rai Shirin*. Resistance... – P. 37.
- (22) *Hayhoe R.* China Universities... – P. 48.
- (23) *Hayhoe R.* China's Higher Curricular Reform in Historical Perspective // The China Quarterly. – 1987, June. – Vol. 110. – P. 220.
- (24) *Hayhoe R.* China's Higher Curricular Reform... – P. 65.
- (25) *Rai Shirin*. Resistance... – P. 172.
- (26) *Agelasto M.* Educational disengagement. Undermining academic quality at a Chinese university. – 1998. – P. 248.
- (27) *Rai Shirin*. Resistance... – P. 171.
- (28) *Mok Ka-ho*. Intellectuals and the State in Post-Mao China. – Basingstoke; Lnd, N. Y., 1998. – P. 27–28.
- (29) *Hayhoe R.* China Universities... – P. 48.
- (30) Например, пекинские студенты жаловались на отключение электричества в 11-00 вечера; нанкинские студенты требовали включить политологию в учебный план; повсеместно от студентов поступали просьбы об улучшении питания в кампусах и предоставлении выбора учебных курсов.

- (31) Например, обличение ошибок в управлении ресурсами университета, коррупции, требования демократии, понимаемой, в основном, как свобода слова.
- (32) *Mok Ka-Ho*. Intellectuals ...; *Shirin Rai*. Resistance...; *He Baogang*. The Democratic Implication...
- (33) Например, многочисленные общества изучения английского языка, дискуссионные группы, открытые лекции и семинары (как те, что организовывались в Народном университете КНР), Общество изучения Конфуция в Пекинском педагогическом университете (организатор – У’Эр Кайси), Демократический салон в Пекинском университете (организатор – Ван Дань).
- (34) *Wright T*. Student Movements... – P. 34.
- (35) *He Baogang*. The Democratic Implication... – P. 27.
- (36) *Wright T*. Student Movements... – P. 50–51.
- (37) *Hao Zhidong*. Intellectuals... – P. 120.

STUDENT ACTIVISM IN CHINA IN THE 1980S: RADICALIZATION OF PROTESTS UNDER THE HIGHER EDUCATION REFORM

A. Sidorova

World History Chair
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-a, Moscow, Russia, 117198

The article elaborates on the key reasons, caused the development of student activism in China in 1980s, and establishes the connection between student protests and the reform of higher education. The conflict between the theory and practice of the reform facilitated the growth of student protests, while the absence of reform deepening brought about the radicalization of student demands.

Key words: China, higher education reform, student activism, protests.